

Совесть России

В конце июня — начале июля 2009 года состоялось плавание по Ангаре от Иркутска до Кодинска, в зону затопления Богучанской ГЭС, великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина.

Вместе с ним в эту большую творческую командировку отправились иркутский издатель Геннадий Сапронов, литературный критик Валентин Курбатов, писатель Александр Трофимов, ректор Красноярского педуниверситета Николай Дроздов. Документальный фильм об этой поездке снимала группа киностудии «Остров» (руководитель — кинорежиссёр Сергей Мирошниченко). К поездке по главной реке своей жизни писатель готовился три года.

Её итогом стала богато иллюстрированная, изданная в 2015 году подарочная книга «По Ангаре...». Соавторами Валентина Григорьевича выступили Валентин Курбатов, Николай Дроздов, Сергей Мирошниченко, этнограф и языковед из Иркутска Галина Афанасьева-Медведева. В комплекте с книгой — диск с видеорядом и песнями, записанными в деревнях по берегам Ангары. Правда, тиражом она вышла небольшим и получилась недоступной по цене для широкого круга читателей — более двух тысяч рублей за один экземпляр. Но, как говорится, кому надо — тот найдёт и приобретёт. Наверняка есть она и в библиотеках.

Лирическое отступление

Тридцатого июня на «Заре» и «каэсках» группа (более двадцати человек) отправилась по Ангаре из Иркутска до Братска, откуда затем её путь продолжился до Усть-Илимска и далее до Кодинска. В пути следования Валентин Григорьевич и его товарищи делали многочисленные остановки, встречались с людьми, проживающими по берегам любимой реки писателя.

Мало кто так пронзительно и проникновенно, как Валентин Распутин, писал об этой величайшей, могучей реке Сибири. Ангара для него — живое, родное, любимое существо, со своим характером и нравом. Она то спокойная и величаво-царственная, отражающая в себе глубину бездонного синего неба, колдовски

сверкающая драгоценной бирюзой или чистейшим аквамаринном. На выходе из Байкала — насыщенного изумрудного цвета, её могучая пенно-кипящая речная струя резко отличается от остальной байкальской воды. То она вдруг становится свинцово-серой, грозной и беспокойной, таящей в себе небывало мощную силу и опасность... Её воды для писателя святы, как река Иордан, где когда-то крестился сам Спаситель. Мне кажется, никто ТАК больше не напишет об Ангаре и не скажет, как это сделал он...

От вида великой сибирской реки просто перехватывает дух, испытываешь ни с чем не сравнимый, — если угодно, почти мистический, — восторг. Красотой Ангары на территории Кежемского района были поражены многие, впервые видевшие её. Ангара у нас была богата большими островами, которые славились обилием красной и чёрной смородины, травами в пояс, кипенно-белой пеной цветущей черёмухи, аромат которой плыл над водой на десятки километров. А какие трели выводили крохотные сибирские соловушки!

Как-то в одной из телепередач прозвучала заинтересовавшая меня мысль: человека, в значительной мере состоящего из воды, тянет в те места, где он родился, где впервые испил воду. Его тело и душа всегда помнят эту родную стихию детства, она для него — ЖИВАЯ ВОДА.

...Побывав в родных местах, с глубокой болью и печалью в душе он опустил венок над местом, где несколько веков стояла его родная деревня Аталанка и где под огромной толщей воды на дне сотворённого человеком моря покоятся в могилах его пращуров... Месторасположение родной деревни Валентин Распутин определил по сопкам и скалам, которые одни и сохранились от прошлой, навсегда погибшей и ушедшей в небытие красоты. Мне кажется, прав был Александр Сергеевич Пушкин, однажды сказавший о том, что «любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» неистребимы в русском человеке.

Родная земля тянет и не отпускает. Прекрасная и многоголосая жизнь, что была когда-то на её берегах, пока ещё не ушла и не исчезла бесследно, — её помнит и до самого смертного часа будет помнить тоскующее и разрывающееся от боли сердце писателя.

Снимая сюжет для иркутского телевидения, одна журналистка сказала: «Мы будем ждать после завершения этой поездки от нашего земляка, великого русского писателя Валентина Распутина нового „Прощания с Матёрой“». Какие страшные

и жестокие в своей беспощадности слова! Разве может человеческое сердце перенести ещё одну затопленную родину?!

Проводником по территории Кежемского района Красноярского края для писателя и сопровождавших его людей стал археолог Николай Дроздов. Учёный хорошо знает наши места, несколько лет подряд проводил с коллегами и студентами в зоне предстоящего затопления археологические раскопки.

На берегу Ангары, у посёлка Временный, стояла группа кодинцев, с волнением дожидавшаяся прибытия известных гостей. Увы, среди них не было наших тогдашних «первых лиц» — главы района Валентина Гомозова и руководителя строящейся Богучанской ГЭС Бориса Ефимова. То ли не захотели, то ли испугались непонятно чего...

Когда восьмого июля к скромному причалу подошли «Заря» и «казски» и Валентин Григорьевич сошёл на берег, меня поразили его глаза — в них была такая боль, такая неизбывная печаль, что у меня сердце защемило, с трудом удержалась от внезапно подступивших слёз...

Счастье, что есть на земле люди, которых ты в повседневной жизни не видишь и не знаешь, но они бесконечно дороги тебе и порой значат в твоей жизни не меньше, а может быть, даже и больше, чем твои родные. Счастье, что мне выпало учиться в том же Иркутском университете, что и Валентину Григорьевичу, ходить по тем же улицам, где наверняка в студенческой юности ходил и он, дышать тем же воздухом и ветерком с Ангары, которым дышал и он, ходить по тем же коридорам, по которым ходил он, слушать лекции тех же замечательных преподавателей, у которых учился и он.

Моя любимая преподавательница (гроза, совесть и строгость нашего факультета), честный и порядочный человек, замечательный литературовед и талантливый литературный критик — Надежда Степановна Тендитник — рассказывала нам, какими студентами были её любимые ученики — Валентин Распутин и Александр Вампилов. Валентин был более скромным и застенчивым, серьёзным, сдержанным, спокойным и вдумчивым, более усидчивым и кропотливым, чем лёгкий и быстрый на ногу, по-моцартиански светлый, непоседливый и жизнелюбивый Александр, в которого была влюблена большая часть факультетских девчонок...

Но уже тогда, в юности, было, по её словам, в их дружески-приятельских отношениях редкостное родство душ и таланта.

Она всегда сетовала о том, что если бы «в тот роковой момент Валя был рядом, Саша остался бы жив». Мне кажется, она их любила как строгая, но справедливая мать...

...Я помню (и вижу — стоит только закрыть глаза!) тот маленький и скромный домик в порту Байкал, где некогда (давным-давно!) Валентин Григорьевич уединялся и где к нему приходило вдохновение... Видела его в начале двухтысячных на курорте Аршан в Бурятии, куда он приехал на скромной белой «Ниве» с друзьями. Хотела подойти и попросить у него на память автограф, но постеснялась — к нему моментально подлетела шумно-назойливая толпа отдыхающих с блокнотами, открытками и книгами писателя, жаждущих заполнить заветный росчерк пера.

И вот судьба подарила мне уникальную возможность увидеть вблизи любимого писателя и разговаривать с ним. Кому-то, возможно, не понимающему роль и значение Распутина для литературы и жизни России, он показался человеком внешне малоинтересным и маловыразительным и встреча с ним — такой же. Мне же, давно знающей его всей душой и сердцем по произведениям, он показался родным и близким, словно отец.

Меня всегда (и на фотографиях, и в реальной жизни) удивлял его по-детски чистый и трогательный взгляд. ТАК СМОТРЕТЬ НА МИР может только очень чистая и светлая душа, абсолютно не способная ко лжи и подлости...

Распутин молчал, говорили другие

После встречи на берегу и обеда писатель побывал на смотровой площадке строящейся Богучанской ГЭС, в изумительном по красоте храме Покрова Божией Матери, посмотрел город, а вечером того же дня в РДК «Рассвет» состоялась его встреча с читателями.

Всех пришедших в районный Дом культуры интересовал вопрос о том, с какой целью писатель предпринял это путешествие. Первоначально мне показалось, что московские кинодокументалисты хотят снять фильм о великом, а точнее сказать, гениальном русском писателе на его родной реке, как когда-то был снят фильм на Енисее о Викторе Петровиче Астафьеве. Хотят записать и сохранить для будущих поколений его раздумья о жизни, Родине, творчестве.

При большом скоплении незнакомых людей, в непривычной обстановке писатель немного растерялся и ступешевался.

Будучи человеком невероятно скромным и застенчивым (редкое в наши дни качество!), не желая выпячивать и выставять себя на передний план, Валентин Григорьевич предоставил слово прибывшим с ним.

Те же набросились на сидящих в зале с упрёками и укорами о забвении своих корней, обвиняя в потере духовности, слабости и беспринципности. Но, наверное, в большей степени эти обвинения нужно было адресовать не почитателям творчества писателя, а власть имущим — руководству страны разных лет, начиная с конца шестидесятых годов, когда впервые заговорили о строительстве ГЭС в Нижнем Приангарье. И пришедшие на встречу с писателем люди были не виноваты в том, что затянувшееся почти на сорок лет переселение людей из зоны затопления и реформы девяностых годов окончательно добило и уничтожило деревни верхней части нашего района. Разрушили привычный уклад жизни, быт коренных ангарцев, лишив их работы, обрекая на выживание и нищету...

А деревни, как извечная основа России, её нравственности и духовности, исчезают и гибнут не только у нас в Приангарье, но и по всей стране. Зарастают сорняками и лесом сотни тысяч гектаров пахотных земель, разработанных в довоенное и послевоенное время. По большому счёту, гибель деревень началась не вчера и не сегодня, а с двадцатых годов прошлого века, с раскулачивания, ссылки и уничтожения лучших работников на земле, кулаков. Продолжилась в семидесятые годы, после укрупнения деревень и колхозов, и в годы разрушительных для страны ельцинских реформ, идёт и по сей день.

Пустеют деревни не только у нас в Сибири, в зоне рискованного земледелия, но даже в центральной части страны, в сотне километров от Москвы! В Ярославской, Смоленской, Тверской, Костромской и иных областях медленно и необратимо умирают деревни, в которых теперь и по десятку жителей не наберётся...

Претензии и обвинения, высказанные в резкой форме людьми творческими и интеллигентными, оказались адресованы учителям и медработникам (а именно они составили бóльшую часть сидящих в зале РДК) и неприятно поразили многих. Так и хотелось спросить: «А где же вы сами-то всё это время были? Что вы-то, такие умные и всезнающие, молчали?! Только один из вас не молчал и не боялся говорить правду о судьбе русской деревни, русского народа, вызывая раздражение и ненависть новоявленных хозяев жизни. Тот, кому вы сегодня не даёте и рта раскрыть».

Валентин Распутин не боялся говорить о надломе и страданиях русского народа, его извечном терпении и милосердии. А пьёт русский мужик потому, что не может и не хочет воровать, идти по костям и пакостить ближнему. Потому что люди у нас привыкли и хотят жить по совести...

Беда в том, что никто из тех, кто все эти годы находился и находится на вершине власти, не слышал и не хочет их слышать...

Политическая тематика, на которую гости РДК хотели склонить зал, показалась людям неуместной и неинтересной. Многие оказались расстроены, растеряны и не смогли задать вопросов писателю. Ситуацию попыталась изменить главный редактор районной газеты «Советское Приангарье» Нелли Зоннова: «Извините, но мы пришли на встречу с гениальным русским писателем и хотим прежде всего послушать Валентина Григорьевича, поговорить с ним о его творчестве!»

О ГЭС и затоплении

Зал облегчённо вздохнул, когда наконец-то заговорил сам писатель:

«Долго я собирался посмотреть на строительство Богучанской ГЭС, но всё что-то останавливало: то одно, то другое. Было и нечто такое: а надо ли всё это видеть? Видеть то, что происходит на Богучанской ГЭС?»

Мы вроде уже давно прошли (и не единожды) всё это, когда деревни после строительства Братской ГЭС куда-то поднимались и перевозились, но люди от этого счастливыми не стали...

Когда разрушалась и уничтожалась моя родная деревня Аталанка, было очень тяжело. Нас переселили выше, на гору, тех, кто согласился работать в леспромхозе, остальных — в другое место и организовали совхоз. Тяжёлым и страшным было это крушение деревни и прощание с родиной...

Как больно и тяжело рвать душу, оставлять родные места, где родные погосты, где веками жили твои предки. А теперь ни дна там нет, ни крыши...

Позднее, уже после переселения, говорилось, что малые деревни и колхозы не нужны. Землю у нас то дают людям, то не дают, чтобы посадить хоть какой-то огорошко...

Старики из жизни ушли, а более молодые, у которых лет пятнадцать назад были заработки, достаток и жильё, остались. Вроде и есть у них всё, но, как оказалось, жить без родной

земли они не могут. Криком кричат! Их, как и меня, всё тянет на родную землю...

Леспромхоз тот и совхоз сгинули в ельцинские времена, и людям стало нечего делать. Вот они снова стали разъезжаться, и уже брошены и оставлены крепкие ещё избы. Вторая половина деревни осталась и разбирает эти брошенные дома на дрова. Хорошо ещё, что хоть за кладбищем новым ухаживают, прежние-то кладбище не поднимали, а затопили...

Свою „Матёру“ я написал, когда строилась Усть-Илимская ГЭС. Богатейшая была земля на Илеме, дома стояли как крепости, как дворцы! А всё сжигалось... Вот и у вас, я посмотрел, не уберут всё за два года, бо́льшая часть оставленного уйдёт под воду. Погибнет и напрасно пропадёт такое большое богатство! А ради чего?!

Тяжело всё это. Но я не для того сюда приехал, чтобы создавать вам тяжёлое настроение. Приехал посмотреть на ГЭС, которая не строилась. Признаюсь, я был рад этому. Но, посмотрев сейчас, узнал, что из деревень многие уехали. Надорвали людям душу...

Построили мы великую, мощнейшую Братскую ГЭС, а потом ещё более крупные Усть-Илимскую и Красноярскую. Но Братская всё равно оказалась мощнее всех, а теперь такая мощность, оказывается, уже не нужна. Сейчас она даёт электроэнергию на две трети своей мощности. То же будет и с вашей ГЭС. Куда пойдёт её энергия?»

Всё та же равнодушная и активная Нелли Зонова попыталась ответить ему:

«Городу нашему она нужна и близлежащим посёлкам, где электричество вырабатывают дизельные электростанции. Пока к нам электроэнергия поступает из Братска по ветхой, ненадёжной линии. И уже был случай, когда город едва не замёрз за один день после её аварийного отключения».

Но Валентин Григорьевич стоял на своём:

«Олигархи уж точно о вас заботиться не будут. Свою продукцию (электроэнергию и алюминий) будут отправлять и продавать в Китай. Об этом я уже дважды читал в газетах.

Я уже пожилой человек. И понимаю, что человек живёт не одними только достижениями и заслугами, тем, что удаётся ему сделать. Вы мне скажите, как жить без ангарских лесов, без этих дивных по красоте, богатых островов? А после затопления их не станет...

И у вас будет где-то в глубине души и сердца больно саднить, что нет и уже никогда не будет этих островов...»

Прошло восемь лет с тех пор, когда были произнесены писателем эти горькие слова. Как же он был прав! Перед заполнением водохранилища не успели вырубить весь лес, росший по берегам великой реки, и теперь он стоит на дне водохранилища на десятки километров. Точно так же, как стоял после образования «морей» в Иркутской области.

Рушатся и осыпаются берега, плавают «острова» из болотной растительности. После каждого такого обвала ухает и стонет, как раненый зверь, измученная от людского варварства Ангара... Нет уже и прежнего рыбного изобилия. Старожилы района рассказывали, как они, будучи детьми, отказывались есть слишком жирную рыбу осетровых сортов, которая ловилась почти на каждой рыбалке. Мечтали о нежирной сорожке. Похоже, скоро только одна эта сорная рыба здесь и останется. Что-то не слышно про ловлю осетров и стерлядок, редко когда попадётся хариус. Да и щуки стало в разы меньше, чем лет пять назад...

А ведь, по рассказам рыбаков, первое время после подъёма воды рыба как обезумевшая металась по всему новоявленному руслу на радость многочисленным рыбакам со всего района и соседней Иркутской области, где в Братском и Усть-Илимском водохранилищах её крайне мало. Ангара у нас тут просто кипела от рыбы!

Нет и деревень, в которых побывал писатель со своими товарищами. Остались в памяти людской кадры съёмок на содовый телефон горевших, как от руки врага и супостата в годы войны, брошенных деревенских домов. Да то не вороги жгли, а ээки, которые расчищали и готовили к затоплению дно будущего Богучанского «моря»...

Порвалась пуповина, связывающая кежмарей с родной землёй...

О женских характерах

Отвечая на вопрос читателей о том, почему главными героями его произведений являются не мужчины, а женщины, писатель сказал:

«Мне всегда было интересно писать о женщинах. Это тягловая сила была в войну. Наши русские женщины — великие труженицы. Знаю это хорошо по своим маме и бабушке. Именно благодаря нашим русским женщинам страна выстояла в войну.

Был и у нас колхоз, куда людей принуждали и гоняли. Но женщины и без всякого принуждения трудились и в колхозе, и дома и дали возможность колхозу выжить. Трудно жилось и голодно, но детей своих сохранили.

А когда вернулись мужики, стало даже труднее, чем при одних женщинах. Долго деревня мучилась, пока всё наладилось.

Вот, например, тётка Улита, дальняя родня моей бабушки. Замечательная была работница, но и матерщинница сильная тоже. Материлась, но при этом обязательно крестилась: „Господи, прости меня, грешницу!“

А язык какой у нас на Ангаре был тогда! Как разговаривали мои мама, бабушка, тётка, соседки! Я никогда бы, наверное, не стал писателем, если бы не впитал тот язык. Меня подвинуло к писательству прежде всего то, что у меня свой язык, которого у других нет.

Моя „Изба“ — это, по сути, история, происшедшая с тётей Улитой. О том, как она перевозила из Кривоуцкой свой дом. Может быть, я в чём-то немного и преувеличил, но в целом всё правда.

Были у нас покосы за хребтом. Километров пятнадцать нужно было до них бегать, а транспорта, тракторов не давали. Шли мы как-то с тётей Улитой на тот покос. Стояла жара, и мне захотелось искупаться. Стал я её об этом просить, но она как-ак понужнула меня, сказала: „Я никогда не купалась. Когда мне было раскупываться-то?!“

Всю жизнь она трудилась, работала не покладая рук. Такие, как она, женщины помогали и мне, и всей стране выжить...

Обидно очень, что мы утратили связь с родной землёй. И наша молодёжь уже не знает и не поёт тех песен, что были любимыми когда-то и грели душу. Взять те же песни Пахмутовой, которые знали и любили все, их пел весь Братск. Тогда больше думали о стране, об Отчизне».

Об ангарцах и их языке

Говоря о дне сегодняшнем, Валентин Распутин тревожится о растущей пустоте и бездуховности нашей жизни. Его беспокоит засилье примитивной «попсовой» и «клиповой» культуры, обращённой к низменному в человеке.

Сегодня почему-то не принято и даже стыдно быть патриотом, гордиться своей Родиной, её успехами и победами. Как некий идеал и пример для подражания молодым всячески преподносится образ жизни людей «богатых и успешных»,

прививается неуважение к историческому прошлому страны, к её богатейшему духовно-культурному наследию (песням, танцам, обрядам). И что печальнее всего — утрачиваются и навсегда исчезают неповторимые русские говоры (диалекты).

Валентин Григорьевич рассказал о своём постижении богатства русской речи. Ему, хорошо знавшему, как он выразился, «свой сибирский язык», нравилось знакомиться с особенностями других русских говоров. Он изучил и собрал немало подобных словарей. И с течением времени это языковое многоголосие слилось у него в единое целое. «Вырос во мне свой особый язык», — сказал он.

Геннадий Константинович Сапронов издал книгу писателя «Сибирь, Сибирь...» (о наиболее ценных местах удивительной страны — Сибири, о жизни населяющих её людей).

Есть такое удивительное место на севере нашей страны — Русское Устье, куда русские люди пришли задолго до освоения Сибири. Они словно затерялись на этом пространстве, осваивая его. Жили замкнуто и изолированно от остального мира не одну сотню лет, сохраняя старинные традиции и уклад жизни предков, и, что интереснее всего, сберегли и сохранили свой дивный, неповторимый язык.

Писатель трижды приезжал на Русское Устье, испытал огромную радость от встречи и общения с этими людьми. По его словам, «их язык словно сузился, сконцентрировался на самом важном, но остался в первозданной чистоте, свежести и нетронутости наш прекрасный и древний язык». Он не мог не написать об этом.

А за два года до писателя побывавшая в Нижнем Приангарье преподавательница Иркутского педуниверситета Галина Медведева «привезла из ваших мест удивительный, непонятно как сохранившийся и ни на что не похожий чудо-язык. Он настолько своеобразен, творился и возрастал тут веками, — сказал он, — что знакомиться с этим богатством мне было на диво приятно».

Пришедшие на встречу женщины, коренные ангарки Елена Ильинична Крутских и Валентина Евгеньевна Евтушенко, вступили в диалог с писателем. С гордостью рассказали они ему о своём ангарском языке и любимом поэте-ангарце Алексее Фёдоровиче Карнаухове, постарались познакомить с его стихами, наиболее точно, по их мнению, передающими особенности родной ангарской речи («Однажды зимуся», «Покуль», «Язык»).

Думается, их слова о величии «торопливого и певучего» ангарского языка, о его «живости, звучности и ядрёности»,

когда каждый говорящий на нём является не просто носителем этого неповторимого диалекта, но и его творцом, запомнились Валентину Григорьевичу. А рассказ Нелли Зоновой о молодом талантливом журналисте газеты «Советское Приангарье» Валентине Бутаковой и её книга «Ангарский говорок», подаренная ему, наверняка его порадовали.

Говоря о своём знакомстве за эти дни с ангарцами, проживающими в зоне предстоящего затопления, Валентин Григорьевич заметил, что после общения с ними он чувствовал себя немного удивлённым. Здесь, по его словам, «довольно самостоятельный и интересный народ», боевой, открытый и смелый. «В наших местах все стеснялись, а тут этого нет», — заметил он.

Ещё один сюрприз ожидал писателя в Кодинске — встреча с землячкой Натальей Захаровной Вологжиной (в девичестве Распутиной) из села Распутино, располагавшегося на Ангаре в сорока километрах ниже распутинской Аталанки.

Диалог с учителями

Директор четвёртой кодинской школы Анна Мирошниченко, рассказывая о постижении подростками повестей писателя «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», отметила, что ребята читают их с удовольствием. Эти произведения по-прежнему трогают сердца и души юных читателей, как и «Уроки французского».

«А вот одна из ваших более поздних повестей — „Дочь Ивана, мать Ивана“ - воспринимается детьми с большим трудом. Почему вы в этой повести „изменили“ своему языку? Почему это произведение так жёстко написано?» — спросила она.

Валентин Григорьевич ответил, что тот «деревенский язык», к которому так привыкли его читатели, для изображения этой страшной истории не годился, чтобы не смазать всей повести. А вот написанная после него «Изба» потребовала возвращения к прежнему языку.

Ветеран педагогического труда, языковед из третьей школы Валентина Карвась рассказала писателю о наиболее поразившем её месте повести «Дочь Ивана, мать Ивана», где речь шла об «обесточенном сердце Тамары Ивановны», о глубине и силе её страданий, когда женщина-мать, дающая жизнь, выступает, по сути, в двух ипостасях — беспощадного судьи, выносящего смертный приговор насильнику своей дочери, и беспощадного мстителя, уничтожающего смертельного врага,

приводящего приговор в исполнение. Валентина Игнатъевна отметила, что эта страдающая, но не сломленная русская женщина обязательно найдёт в себе силы жить дальше, любить и верить. Она не только сумеет выстоять в этом жестоком к человеку мире, но и сможет поддержать близких, передать детям и внукам свою нравственную и духовную силу. И в этом плане героиня этой повести оказывается в одном ряду с лучшими женскими образами, созданными писателем.

Писатель, в свою очередь, поинтересовался отношением учителей к ЕГЭ, который, по его словам, «безжалостно портит наше образование и сильно вредит ему». Педагоги были с ним во многом согласны. В частности, они, как и писатель, были не согласны с введением в школьное образование программ, пропагандирующих, по сути дела, раннюю сексуальную жизнь подростков. И, что было очень приятно для присутствующих, он отметил, что сейчас нашу российскую школу от всего дурного и наносного спасают именно учителя.

Писатель ведёт большую переписку с педагогами и школьниками. Он отметил, что в стране у нас подрастает много хороших, талантливых и умных ребят, обеспокоенных судьбой своей родины.

Почётный гражданин города Кодинска, учитель четвёртой школы Эльвира Рамазанова выразила мнение многих людей, любящих и уважающих творчество писателя: «Сегодняшняя встреча очень нужна нам всем, чтобы не ожесточить и не обесточить своё сердце». Она обратила внимание гостей, что за внешней раскованностью и открытостью ангарцев спрятаны их боль, их страдания, особенно тех, кто уедет в скором времени со своей малой родины...

Эльвира Петровна рассказала о своём восприятии героинь поздних повестей и рассказов писателя со сломленными судьбами, по-женски несчастливых, но всё же не утративших свою щедрую и любящую женскую душу. «Ваши героини должны нам всем подсказать, что от нас, женщин, зависит очень многое в этой жизни. Сохранить всё человеческое на земле может и должна только женщина. Спасибо вам!» — сказала она в заключение встречи.

Слово, в котором есть Бог

В октябрьском номере журнала «Современник» за 1989 год, постоянным автором которого на протяжении многих лет был

Валентин Григорьевич, мы с мужем прочитали статью, которая оказалась для нас судьбоносной. Не помню ее названия за давностью лет. В ней были отрывки из писем и произведений известных русских писателей, преимущественно девятнадцатого века, об их вере в Бога, о значении православия в России. Прочитали высказывание Валентина Григорьевича и сразу, безоговорочно поверили ему. Решили поехать в Падунскую церковь Братска, чтобы покреститься самим и детей покрестить. Так благодаря любимому писателю вся наша семья стала верующей.

Валентин Григорьевич стал православным в зрелом возрасте, будучи уже известным писателем. В 1978 году, за два года до празднования шестисотлетия Куликовской битвы, он совершил поездку в составе группы литераторов, искусствоведов по святым для каждого православного русского человека местам. Побывал на поле Куликовом — месте военной и духовной победы русского войска, в Оптиной пустыни, о которой знал с юности, со студенческих лет, читая произведения русских классиков.

Приехал в один из старейших городов России — Елец. Здесь Валентин Распутин познакомился с иеромонахом Нектарием (Овчинниковым), беседа с которым открыла для него огромный неведомый мир — мир русского православия, русской духовности. «Мало что помню из нашей беседы, но помню только то, что когда выходил от него — понял: Это случилось. Случилось какое-то духовное преображение, уже не Мира, как на поле Куликовом, а моё духовное преображение. Уже тогда было ясно, что без крещения нельзя, и это крещение должно происходить здесь, в Ельце, который обладал каким-то особым сиянием», — написал он позже.

Вместе с друзьями и единомышленниками Валентин Григорьевич принимал активное участие в подготовке к празднованию шестисотлетнего юбилея Куликовской битвы. За два предъюбилейных года, с 1978-го по 1980-й, в стране было издано множество красочных, ярких книг, газетно-журнальных публикаций об этом историческом событии. Началось восстановление разрушенных в годы безверия и духовного отупления храмов и святынь. На поле Куликовом появился храм в честь святого игумена земли Русской преподобного Сергия Радонежского, по благословению и молитвам которого войско князя Дмитрия Донского одержало великую победу. На Монастырщине, в километре от слияния Непрядвы и Дона, засияла куполами церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

А двадцать первого сентября 1980 года, в день Рождества Богородицы, на поле Куликово съехались тысячи людей со всех концов страны. Писатель воочию убедился в том, что «Россия, придя на поле Куликово, возвращается уже и в Святую Русь, к своей вере».

А через две недели, во второй свой приезд на эту святую землю, он принял крещение в Сергиевом подворье в Ельце. Крещение совершил архимандрит Исаакий (Виноградов), один из насельников Троице-Сергиевой лавры, который к тому времени обустроил в Ельце Сергиево подворье. Крёстным отцом новокрещаемого стал иеромонах Нектарий, крёстной матерью — Ренита Андреевна Григорьева.

Эти три человека появились в судьбе писателя отнюдь не случайно, по промыслу Божьему. Первый — участник Первой мировой и Гражданской войн, белоэмигрант. Окончил православный богословский институт в Париже. В 1945 году был арестован СМЕРШ в Праге, прошёл Карагандинский лагерь и ссылку, после чего поселился в Ельце и служил священником в соборе. Мыслитель и знаток русской религиозной философии, один из ярчайших представителей русского зарубежья, архимандрит Исаакий стал вероучителем и духовным наставником писателя. Иеромонах Нектарий заставил Валентина Григорьевича осознать важность и необходимость крещения, без которого нет спасения души. Режиссёр, сценарист, актриса и писательница Ренита Григорьева, снимавшаяся в фильме В. Шукшина «Живёт такой парень», стала для Валентина Григорьевича и его семьи настоящим другом. Принимала участие в программе «Возрождение малых городов России», ведя большую общественную и миротворческую деятельность.

Позднее писатель так описал своё крещение: «И такой это был счастливый, добрый и ласковый вечер!.. И какое-то ощущение, как будто крепостные стены упали, по крайней мере — у меня, те крепостные стены, которые чувствовались внутри. Их вдруг не стало, и открылись простор и сияние, которых прежде не было. И думаю, это чувствовал не только я, это чувствовали и мои товарищи. Отче говорил, что правда без любви добра людям не приносит...»

Писал он и о том, что «...после крещения мне многое открылось. Открылось прошлое, открылось настоящее и то преображение души, которое заставляет человека быть добрее, принимать всё, дурное и хорошее. Как принимать дурное? Понимать причины его возникновения и понимать способы его

устранения. Я стал добрее, я стал внимательнее к иным мелочам, которые всегда проходили мимо. Я стал строже и к тому слову, которое необходимо было искать для того, чтобы показать человека».

К крещению, как мне кажется, он готовился всю свою сознательную жизнь. Ещё в молодые годы его часто тянуло в старейший в Иркутске Знаменский монастырь, где находилось епархиальное управление и покои владыки Вениамина (Новицкого). Неоднократно там бывал вместе с Александром Вампиловым и Вячеславом Шугаевым. Ещё в шестидесятые-семидесятые годы он прочитал недоступные советскому читателю книги Н. Бердяева, Г. Федотова, Л. Шестова, В. Соловьёва, К. Леонтьева. Может быть, именно тогда он прочитал и запомнил слова Константина Леонтьева об особой афонской чистоте и святости.

Как он позднее написал об этом в своём очерке «На Афоне», Афон позвал его к себе. Случилось это событие в 2004 году. Вместе с Саввой Ямщиковым и Анатолием Пантелеевым он две недели прожил в Свято-Андреевском скиту на святой горе Афон. Ещё не зная того, что и сам этот скит, и громаднейший собор Апостола Андрея Первозванного были построены на деньги его земляка, золотопромышленника-миллионера, иркутского купца первой гильдии, благотворителя и мецената Иннокентия Михайловича Сибирикова (1860—1901).

Будучи одним из богатейших людей России, он жертвовал на помощь бедным и нуждающимся людям баснословные деньги. В общей сложности, в пересчёте на современные деньги, он передал на благотворительность более десяти миллиардов рублей! В тридцать четыре года он принимает решение принять монашество и уходит жить на Старо-Афонское подворье в Санкт-Петербурге. Принимает монашеский постриг и уезжает жить на святую гору. В августе 1899 года он принимает постриг в Великую схиму и принимает имя Иннокентий в честь святителя Иннокентия Иркутского. После смерти его мощи оказались нетленными. Иннокентий Сибириков внял зову Христа, как внял ему позднее и его земляк, великий русский писатель.

В полюбившийся ему Знаменский монастырь он привозил свою старенькую маму, Нину Ивановну. А с февраля 1990 года стал общаться с новым епископом Иркутским и Читинским, ныне митрополитом Иркутским и Ангарским Вадимом (Лазебным). Завязалась дружба. Результатом этого общения стало воцерковление писателя. Он стал часто бывать на службе в монастыре, исповедался и причащался. Посещал службы

и в Михаило-Архангельском Харлампиевском храме, где в советские годы находилось студенческое общежитие.

По его инициативе и при поддержке владыки Вадима с 1995 по 1997 год в области стали проводиться Дни русской духовности и культуры «Сияние России», началось издание православно-патриотической газеты «Литературный Иркутск». Результатом их совместных трудов стало открытие в 1996 году в Иркутске православной женской гимназии во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Началось строительство храмов в Иркутске, Саянске, Усть-Уде, где писатель учился в школе. Благодаря его усилиям появился храм на родине святителя Иннокентия (Вениаминова), просветителя Камчатки, Аляски и Алеутских островов. Собранные на протяжении жизни книги писатель дарил приходским библиотекам области.

С особенным вниманием и интересом он относился к старообрядцам, которых в Сибири называют семейскими. Спасаясь от насаждения европейских порядков и реформ, которые могли разрушить их жизненный уклад и духовный мир, целыми общинами и семьями бежали они на Урал и в Сибирь.

Старообрядцы отличались от других сибиряков более крепким здоровьем, выносливостью, трудолюбием и упорством, отсутствием интереса и тяги к алкоголю и курению. Всё в больших и крепких семьях делалось по слову отца. По словам писателя, их трудолюбие и упорство могло обратить в плодородную землю и камень.

Распутин упорно докапывался до правды: что завещала нам старая допетровская Русь своим расколом? «Да самую себя и завещала — себя, собранную предками по чёрточке, по капельке, по клеточке, по слову, по шагу. Свою самобытность и самостоятельность, своё достоинство, трезвость и творческие возможности...» — писал он.

Валентин Григорьевич был убеждён, что национальной идеей, которую так долго и безуспешно до сих пор ищет наша власть, должна стать справедливость. Социальная, национальная — любая. «Вот к чему всегда стремился русский человек! Это же в основе Православия — справедливость и праведность».

Но — увы и ах! Наша власть упорно предпочитает не замечать исконную, нутряную тягу русского человека к правде и справедливости. В последние годы все невероятно устали от потоков лжи, которые льются на наши головы, начиная с

девяностых годов... Устали от наглости и вседозволенности сильных мира сего, которые давно уже живут по каким-то своим, бесчестным и бесчеловечным, законам. А несправедливости и лжи день ото дня становится всё больше и больше.

Валентин Григорьевич ушёл из жизни в Москве, за несколько часов до своего семидесятивосьмилетия. Закончилась его земная жизнь, началась небесная. Перед смертью писатель исповедался, пособоровался и причастился Святых Христовых Таин. Мне думается, теперь его душа будет вечно пребывать «в месте злачне, в месте покойне, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

После смерти он вернулся на родную иркутскую землю, местом его упокоения стала территория Знаменского монастыря. Панихиду и литию по рабу Божьему Валентину отслужил митрополит Вадим.

Владыка безмерно уважал и почитал талант писателя как богоделание, отмечал стремление его творчества к вечности, искание её. Митрополит удивлялся тому, как природное явление — ураган, который они видели и пережили одновременно на Байкале, — Валентин Григорьевич смог потрясающе воплотить в живое слово, в результате чего у него получился рассказ «В непогоду». «Слово, в котором есть Бог», — так по-евангельски строго и глубоко владыка определил редкостный писательский дар Валентина Распутина (2009). Отмечает он и особенность такого дара: «При кажущейся трагичности исхода произведений творчество его светоносно» (10.01.2017). Сейчас, после ухода писателя, это становится всё отчётливее, яснее.

Однажды писатель сказал: «Любовь к Родине — то же, что чувство к матери: вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу. Родина дала нам всё, что мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. <...> Человек в Родине — словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он — духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своём Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст».

«Я коренной сибиряк, тутошний»

Так нередко говорил о себе сам писатель. И эту его близость к нам, простым людям, почувствовали все, кто имел счастье видеть писателя и общаться с ним, когда он был у нас в Кодинске. Мы почувствовали и увидели тихую, затаённую боль в его глазах. Боль за гибнущую красоту Ангары, за свою поруганную и униженную родину, за русский народ, выразителем души и чаяний которого он был все годы своего писательского труда.

Путешествие по Ангаре не принесло ему утешения. Стоя на смотровой площадке строящейся Богучанской ГЭС, Валентин Григорьевич признавался, как мечтал, надеялся и хотел, чтобы она не строилась. Чтобы не было затопления этих дивных по красоте мест...

Валентин Курбатов выразил то, о чём постеснялся или не захотел сказать сам Распутин: «Каждый раз, когда Валентин Григорьевич сходит с парохода, его встречают хлебом-солью, а то и песнями, а потом приходят в клуб какой-нибудь или просто на встречу в избу и КРИКОМ КРИЧАТ. А он в сердце своё всё это принимает с чувством глубокой вины, как будто это он один во всём этом виноват, будто он главный виновник этого горя людского...»

Мне кажется, эта поездка подорвала его сердце, болящее за всех и за вся...